

УДК 882.0
ББК 83.3

DOI: 10.31862/1819-463X-2023-5-11-18

РАЗГОВОР МЕРТВЫХ С ЖИВЫМИ В РУССКОЙ ПАТРИОТИЧЕСКОЙ ЛИРИКЕ XX–XXI ВЕКОВ

Т. А. Пономарева

Аннотация. В статье рассматриваются становление и развитие в русской поэзии жанра «разговора мертвых с живыми», истоки которого восходят к античности и который соотносится с фольклорно-мифологическим сюжетом общения с потусторонним миром. В русской литературе жанр «разговоров в царстве мертвых» появляется в середине XVIII в. в творчестве А. П. Сумарокова и М. М. Хераскова. В поэзии XX в. активно развивается типологически родственный жанр «разговора мертвых с живыми», который, прежде всего, связан с патриотической лирикой. В основе сюжета – обращение погибших героев к потомкам. Сквозными являются мотивы долга перед Родиной, жертвенной гибели, мужества, памяти, военного братства, небесного благословения воинам, молитвы, победы. Одним из первых примеров этого жанра – стихотворение Я. Репнинского «Гибель “Варяга”» (1904). В советский период жанр «разговора мертвых с живыми» встречается в романтической поэзии М. Светлова 1920-х гг., «лирике предварения» Н. Майорова, П. Когана. В жанре разговора с братьями по оружию написано стихотворение А. Т. Твардовского «Я убит подо Ржевом». В XXI в. лирика «погибшего брата» находит продолжение в поэзии А. Долгаревой и Д. Мельникова.

Ключевые слова: жанр, лирика, «разговор мертвых с живыми», мужество, долг, братство, память.

Для цитирования: Пономарева Т. А. Разговор мертвых с живыми в русской патриотической лирике XX–XXI веков // Наука и школа. 2023. № 5. С. 11–18. DOI: 10.31862/1819-463X-2023-5-11-18.

© Пономарева Т. А., 2023

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

THE CONVERSATION BETWEEN THE DEAD AND THE LIVING
IN RUSSIAN PATRIOTIC LYRICS OF THE XX–XXI CENTURIES

T. A. Ponomareva

Abstract. *The article discusses the formation and development in Russian poetry of the “talk between the dead and the living” genre, the origins of which date back to antiquity and which correlates with the folklore and mythological motif of communication with the other world. In Russian literature, the genre of “conversations in the realm of the dead” appears in the middle of the 18th century in the works of A. P. Sumarokov and M. M. Kheraskov. In the poetry of the 20th century, a typologically related genre of “talking between the dead and the living” is actively developing, which is primarily associated with patriotic lyrics. The motif is based on the appeal of the dead heroes to their descendants. Cross-cutting are the motifs of duty to the Motherland, sacrificial death, courage, memory, military brotherhood, heavenly blessing to the soldiers, prayer, victory. One of the first examples of this genre is Y. Reprinsky’s poem «The Death of the Varyag» (1904). In the Soviet period, the genre of «talking between the dead and the living» is typical for the romantic poetry of M. Svetlov of the 1920s, «lyrics of anticipation» by N. Mayorov and P. Kogan. In the genre of conversation with brothers in arms, a poem by A. T. Tvardovsky “I was killed near Rzhev” was written. In the 21st century, the lyrics of the “dead brother” are continued in the poetry of A. Dolgareva and D. Melnikov.*

Keywords: *genre, lyrics, “conversation between the dead and the living”, courage, duty, brotherhood, memory.*

Cite as: Ponomareva T. A. The conversation between the dead and the living in Russian patriotic lyrics of the XX–XXI centuries. *Nauka i shkola*. 2023, No. 5, pp. 11–18. DOI: 10.31862/1819-463X-2023-5-11-18.

Сюжет общения с потусторонним миром имеет широкое распространение в мировом фольклоре [1]. В народной лирике известен жанр «разговора мертвых с живыми». Литературный вариант «разговора мертвых с живыми» восходит к античности, как и типологически близкий жанр «разговора в царстве мертвых» [2–4], родоначальником которого называют древнегреческого писателя Лукиана Самосатского, жившего во II в. н. э. Его сатирические «разговоры в царстве мертвых», высмеивающие людские пороки – власть денег, скупость, любовь к наслаждениям, – были переведены на многие языки, в том числе и на русский.

В русской литературе в середине XVIII в. вначале появился прозаический жанр «разговоров в царстве мертвых». Это

были, прежде всего, переводы и подражания западным аналогам, героями которых были правители государств, в том числе и русские цари [5].

Оригинальные же «разговоры в царстве мертвых» в отечественной прозе связаны с именами А. П. Сумарокова, который написал шесть прозаических диалогов в загробном мире, в том числе сатирических, и М. М. Хераскова.

В этот же период возникают и поэтические варианты «разговоров в царстве мертвых» или «разговоров с мертвыми». В 1871 г. в литературном альманахе «Российский Парнас» был напечатан «Разговор с Анакреонтом» М. В. Ломоносова и стихотворение М. М. Хераскова «От искреннего почитателя Сочинителевой славы», посвященное Ломоносову, который к этому времени уже умер.

Продолжением жанра «разговора в царстве мертвых» стал поэтический «Разговор после смерти Ломоносова с Сумароковым» (1877), опубликованный анонимно вместе с некрологом сразу же после смерти А. П. Сумарокова [6, с. 155–156].

Прозаический жанр «разговоров в царстве мертвых» в русской литературе XIX столетия, по мнению ряда исследователей, оказался недолговечным, «не породил на русской почве особо выдающихся произведений и не оказал значительного влияния на творчество последующих писателей», так как был заимствован из европейской литературы слишком поздно и без опоры на национальные традиции [7, с. 100].

Но в поэзии «разговор в царстве мертвых» стал востребованным у различных авторов XIX–XXI вв. – от К. Н. Батюшкова до современной поэтессы А. Долгаревой («Бог говорит Гагарину»).

В XX в. продуктивным вариантом поэтического жанра «разговора в царстве мертвых» становится «разговор мертвых с живыми», который также восходит к античности:

*Странник, во Спарту пришедши,
о нас возвести ты народу,
Что, исполнив закон, здесь мы костями
полегли*
(пер. Ф. Ф. Зелинского).

Эта надпись на памятнике спартам, героически погибшим в сражении с персами в ущелье Фермопилы в 480 г. до н. э., по утверждению Г. В. Ф. Гегеля [8, с. 170], является свидетельством зарождения самой поэзии. А современный исследователь античной литературы В. Н. Распопин указывает, что «этот дивный элегический дистих, соединение гексаметра с пентаметром» является истоком «двух ведущих жанров древнегреческой поэзии – элегии и ямба». Данное двустишие говорит о реальном событии, и вместе с тем оно имеет самостоятельную ценность, без какой-либо связи с реально происходящим [9].

В. В. Кожин обращал внимание на то, что в поэзии связь с реальностью является несущественной, так как «поэт может равно говорить о реальных и вымышленных фактах – это не меняет дела, ибо суть не в сообщении, а в поэтическом смысле» [10].

Жанр «разговора мертвых с живыми» в русской поэзии XX в. связан либо с философско-медитативной лирикой (М. Цветаева «Идешь, на меня похожий»), либо с патриотической лирикой и мотивом гибели за отчизну. Черты этого жанра предугадываются в стихотворении Я. Репнинского «Гибель “Варяга”» (1904), ставшего известной песней:

*Миру всему передайте,
Чайки, печальную весть:
В битве врагу не сдался,
Пали за русскую честь* [10], –

а также в песне на стихи австрийского поэта Рудольфа Грейнца (в переводе Е. М. Студенской) «Наверх вы, товарищи, все по местам», посвященной этому же историческому событию:

*Не скажут ни камень, ни крест, где легли
Во славу мы русского флага* [11].

Герои этих стихотворений еще находятся на пороге жизни и неминуемой смерти.

Та же ситуация последних мгновений жизни и посмертного существования изображена в стихотворении «В разведке» М. А. Светлова (1927). В его лирике 1920-х гг., как и в поэзии «романтика первого призыва» Н. С. Тихонова, постоянными являются мотивы воинского долга, мужества, готовности отдать свою жизнь за дело революции.

В стихотворении Светлова «В разведке» неравный бой с противником рисуется через ряд контрастных образов – «иностранный планета» Меркурий и скрип телег в степи, синий свет звезд и синий холод штыков, трусость героя-повествователя и резкая отповедь ему напарника-мужика,

в монологе которого также сопрягаются общее и частное, земное и небесное, долг перед миром и долг пред командиром, несчастье трусости и счастье умереть во имя долга.

В последней строфе лирический герой описывает свою смерть и гибель напарника, соединяя небесное и земное:

*Пуля в лоб ему попала,
Пуля в грудь мою вошла.
Ночь звенела стремениами,
Волочились повода,
И Меркурий плыл над нами –
Иностранная звезда [12].*

Продолжением романтической линии в советской поэзии и темы смерти за отчизну стала «лирика предварения» конца 1930 – начала 1940-х гг. В стихах М. Кульчицкого, П. Когана, Н. Майорова, написанных еще до войны, развивается мотив грядущей гибели «возле речки Шпрее» [13, с. 183].

При этом у П. Когана и Н. Майорова дан взгляд лирического героя из посмертного будущего, на что указывают глаголы прошедшего времени:

*Мы были высоки, русоволосы.
Вы в книгах прочтаете, как миф,
О людях, что ушли, не долюбив,
Не докурив последней папиросы [13, с. 294], –*

напишет Н. Майоров в 1940 г. В стихотворении 1941 г. Н. Майорова «Нам не дано спокойно сгнить в могиле» разговор мертвых героев с потомками изображен в тот момент, когда битва еще продолжается. Дистанции времени между смертью и жизнью нет, преобладает настоящее. Убитые слышат «гром предутренной пальбы» и «призыв охрипший полковой трубы». Мертвое воинство готово прийти на помощь живым:

*Что гибель нам? Мы даже смерти выше.
В могилах мы построились в отряд
И ждем приказа нового. И пусть
Не думают, что мертвые не слышат,
Когда о них потомки говорят [13, с. 296].*

В жанре «разговора мертвых с живыми» написано одно из самых трагических стихотворений А. Т. Твардовского «Я убит подо Ржевом» (1946).

Этому стихотворению посвящено немало исследований [14–16].

Лирический субъект – безымянный погибший солдат, у которого нет даже могилы:

*Я убит подо Ржевом
В безымянном болоте
В третьей роте налево
При жестоком налете.*

*Летом в сорок втором
Я зарыт без могилы,
Всем, что было потом,
Смерть меня обделила [17].*

Важным в художественной картине мира стихотворения является мотив безымянности: безвестность места гибели, отсутствие имени, могилы, материальных атрибутов памяти, полное растворение человека в природе, там «где корни слепые ищут корма во тьме», «где облачком пыли ходит рожь по холме»:

*И во всем этом мире
До конца его дней
Ни петлички, ни лычки
С гимнастерки моей [17].*

Если в «лирике предварения» П. Когана и Н. Майорова значимо «мы» как синоним поколения, то в стихотворении А. Т. Твардовского лирический персонаж, «я» – это воплощение народной судьбы, единства героя и народа, поэтому он обращается к «нашим» – живым бойцам, братьям по оружию.

В стихотворении десять раз повторяется местоимение *наш*: «удержались ли наши», «наш ли Ржев», «наши очи», «наша вечная память», «наша вечная слава», «наш прах», «наша вера», «наша кровная часть», «наша, смертью оборванная, вера, ненависть, страсть», «наше все», «наша земля». При этом «мы» в стихотворении контекстуально

двоится: «мы» – это павшие за родину, и «мы» – это братство живых и мертвых, братьев по оружию и по судьбе. Слово *брат/воин-брат* является лейтмотивным.

А. В. Македонов назвал стихотворение Твардовского «лирикой погибшего брата» [16].

Братство мертвых и живых побеждает смерть.

Лирическое время героя стихотворения – это монолог непосредственно после смерти. Мертвый воин тревожится не о судьбе близких, а об исходе битвы:

*Я убит и не знаю,
Наш ли Ржев наконец* [17].

Но лирическое время сменяется авторским временем. Автор знает о судьбе битвы и родины:

*Мы за родину пали,
И она спасена* [17].

Авторское *мы* – это голос героя, знак общности судьбы человека и судьбы народной.

Финал стихотворения «Я убит подо Ржевом» – завещание живым:

*Завещаю в той жизни
Вам счастливыми быть
И родимой Отчизне
С честью дальше служить* [17].

Через семьдесят с лишним лет современный поэт Влад Маленко посвятит убитому подо Ржевом отцу стихотворение «Ржев». Оно написано как обращение мертвого воина от лица всех погибших к потомкам, которые также сражаются за свою землю.

*Нас в болотах небес не один миллион.
И в кармане у каждого медальон.
Это зерна весны.
Это горя край.*

Сорок пятый настырный пасхальный май
[18, с. 180].

В основе композиции стихотворения оппозиция *мы* и *вы*, обусловленная

нравственно-идеологическими контрастами прошлого и настоящего:

*Вам труднее, потомки, в засаде дней.
Наша битва с врагами была честней.
Мы закрасили кровью колосья ржи,
А на вас проливаются реки лжи* [18, с. 180].

Заканчивается стихотворение утверждением веры в победу: «Сорок пятый когда-нибудь будет вновь» [18, с. 180].

Своеобразным откликом на «лирику погибшего брата» А. Т. Твардовского является разговор с мертвыми в стихотворении поэта-фронтовика К. Я. Ваншенкина «Память», написанном через двадцать лет после Победы:

*А утвержденья эти лживы,
Что вы исчезли в мире тьмы.
Вас с нами нет. Но в нас
Вы живы,
Пока на свете живы мы* [19].

Стихи П. Когана, Н. Майорова в жанре «разговора мертвых с живыми» были написаны еще не воевавшими поэтами, А. Т. Твардовский был свидетелем тяжелых боев подо Ржевом. В поэзии же «фронтового поколения», в их военных и послевоенных стихах, как и «афганской» лирике жанр «разговора мертвых с живыми» не получил широкого распространения. Очевидно, это связано с психологией человека на войне, который живет «от атаки до атаки» [20, с. 26] и которого ведет вперед лишь воля к победе.

Показательно в этом отношении стихотворение К. Я. Ваншенкина «Памятник» (1966), герой которого изображен в момент атаки цепи «поредевших рот»:

*Но по земле, от дыма голубой,
Пока мы жить еще не перестали,
Бегу я с непокрытой головой,
Не ведая об этом пьедестале* [19].

События на Украине, необъявленная война в Донецкой и Луганской республиках, военная операция 2022–2023 гг. привели к взлету военной

лирики, в том числе и жанров «разговора в царстве мертвых» и «разговора мертвых с живыми».

Значимыми в этих «разговорах» в современной военной лирике являются традиционные мотивы долга, военного братства, гибели детей, а также мотивы, которые отсутствовали в русской поэзии советского периода – небесного благословения воинов и молитвы.

В стихотворении Олега Демидова «Освобождая Волноваху» дан диалог погибшего солдата и Бога, который ухаживает за ним в лазарете:

*Когда всю жизнь ты отдал миру
и получил сполна за все,
я положу тебя в могилу,
чтоб после вынуть из нее
и возвести в мой дивный сад* [21, с. 60].

Но боец, у которого «в груди дыра и тело сковано землей», просит вернуть к братьям, которые «все тянут на себе»:

*И встал солдат обратно в строй,
небесный бросив лазарет,
несется он к передовой,
зане для Бога мертвых нет* [21, с. 61].

В стихотворении Максим Жукова «Лесополоса» из-под земли звучат голоса детей. Мотив детской смерти является одним из доминантных в донецкой и луганской поэзии.

В жанре «разговоров» религиозные образы и мотивы совмещаются с мифологическими.

«Две училки» и «пацаны из двенадцатого батальона» в стихотворении А. Долгаревой напрасно ищут мост через мифологическую речку Смородину. «Завуч и географичка» говорят: «Мы сегодня проходим свет <...>, подставляйте ему свои личики» [21, с. 95].

Жанр «разговоров в царстве мертвых» и «разговора мертвых с живыми» широко представлен в поэзии А. П. Долгаревой и Д. П. Мельникова.

У Долгаревой встречается фольклорно-мифологический сюжет вре-

менного возвращения мертвых к живым. Герои ее стихотворения «Уходят...» «говорят сегодня с живыми, ходят с живыми», пьют под каштанами, «и присаживается к ним «пацан, молодой, четвертый» в неуставных сапогах и потертой форме:

*Говорит: «Возьмите к себе,
меня тоже вчера убили»* [21, с. 80].

Для поэтики Долгаревой характерно сочетание точных реалистических деталей с мифообразами и символами, которые образуют подтекст. Эпитеты седая голова и новенькие погоны молодого убитого капитана и по контрасту неуставные сапоги и потертая форма пацана свидетельствуют о долгой необъявленной войне в Донбассе и его защитниках – профессионалах и добровольцах.

Метафорическое и символическое могут воплощаться через бытовую фабуну. Герой стихотворения «В город пришла война» Серега, который чинит водопровод под обстрелом, убит миной. Мертвый, отряхиваясь от крови, он приходит в рай и говорит:

*Господи, у тебя тут течет,
кровавый дождь откуда течет,
давай попробую починить* [21, с. 89].

В военной лирике Дм. Мельникова, как и в поэзии А. Долгаревой, доминирует трагическая интонация. Смерть становится повседневностью, в том числе смерть детей. Преодоление смерти:

*Запомните, что смерти нет.
Я говорю вам – все кончается
и боль, и слезы, и война, –
связано только с победой* [21, с. 197].

В стихотворении Дм. Мельникова «Напиши мне потом, как живому, письмо» мертвый боец просит любимую написать не про горе, а про счастье победы:

*Я ломал это время руками, как сталь,
целовал его в черные губы,
напиши про любовь, не пиши про печаль,
напиши, что я взял Мариуполь.
Напиши – я тебя никому не отдам,
милый мой, мы увидимся вскоре.*

*Я не умер, я сплю, и к моим сапогам
подступает Азовское море*
(31.03.2022) [21, с. 196].

Мотив будущей Победы присутствует в самых трагических стихах о современной войне.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Зеленин Д. К. Избранные труды: в 2 т. Т. 2: Очерки русской мифологии: умершие неестественной смертью и русалки / вступ. ст. Н. И. Толстого. М.: Индрик, 1995. 430 с.
2. Стенник Ю. В., Николаев С. И. Жанр «диалога в царстве мертвых» в русской литературе XVIII века // Русская литература. 1990. № 2. С. 240–244.
3. Исаченко Е. Г. «Разговоры в царстве мертвых» А. П. Сумарокова // Литературная культура России XVIII века. Вып. 5. СПб., 2014. С. 100–118.
4. Хамитов М. Р. Разговоры в царстве мертвых: «Бобок» Достоевского // Достоевский. Материалы и исследования / РАН ИРЛИ (Пушкинский дом); отв. ред. К. А. Барш, Н. Ф. Буданова. СПб.: Нестор-История, 2016. Т. 21. 536 с. С. 29–43.
5. Скворцова Е. А. Иллюстрации к «Разговорам в царстве мертвых»: проблема утверждения титула императора России в XVIII веке. URL: (дата обращения: 16.05.2023).
6. Абрамзон Т. Е. Разговор в царстве мертвых Ломоносова с Сумароковым (1777): поэтика культурной роли Ломоносова // Проблемы истории, филологии и культуры. 2013. № 1 (39). С. 151–161.
7. Исаченко Е. Г. «Разговоры в царстве мертвых» А. П. Сумарокова // Литературная культура России XVIII века. Вып. 5. СПб., 2014. С. 100–118.
8. Гегель Г. В. Ф. Сочинения в 14 т. Т. XIV: Лекции по эстетике. Книга третья. М.: Госполитиздат, 1958. 440 с.
9. Распопин В. Н. Литература Древней Греции: Очерки истории зарубежной литературы. URL:<http://antique-lit.niv.ru/antique-lit/rasropin/solnaya-melika> (дата обращения: 15.03.2023).
10. Кожин В. В. Как пишут стихи: О законах поэтического творчества. М.: Алгоритм, 2001. 315 с. URL: <https://libking.ru/books/sci-/sci-history/29254-vadim-kozhinov-kak-pishut-stihi.html> (дата обращения: 15.05.2023).
11. Песни и романсы русских поэтов / вступ. ст., подготовка текста и примеч. В. Е. Гусева. М. – Л.: Сов. писатель, 1965. 339 с. (Б-ка поэта. Большая серия. 2-е изд.).
12. Светлов М. А. Стихи о войне. URL: <https://rustih.ru/stixi-o-vojne/mixail-svetlov-stixi-o-vojne> (дата обращения: 10.07.2023).
13. Советские поэты, павшие на Великой Отечественной войне. Стихотворения и поэмы / вступ. ст. И. Н. Сухих; сост., подготовка текста, примеч. М. А. Бениной и Е. П. Семеновой. СПб.: Академ. проект, 2005. 573 с. (Новая б-ка поэта).
14. Абрамов А. М. Лирика и эпос Великой Отечественной войны: Проблематика. Стиль. Поэтика. М.: Сов. писатель, 1972. 672 с.
15. Македонов А. В. Творческий путь Твардовского. Дома и дороги. М., 1981. 367 с.
16. Таганов Л. Н. Великая Отечественная война в советской поэзии 40–70-х годов. Иваново: ИвГУ, 1978. 180 с.
17. Твардовский А. Т. Я убит подо Ржевом. URL: <https://www.culture.ru/poems/6907/ya-ubit-podorzhevom> (дата обращения: 08.06.2023).
18. Поэзия русского лета. М.: Перо, 2022. 400 с.
19. Ваншенкин К. Я. Стихи. URL: <https://rustih.ru/konstantin-vanshenkin/> (дата обращения: 08.07.2023).
20. Орлов С. Избранные стихотворения. Архангельск, 1979. 159 с.
21. Воскресшие на Третьей мировой. Антология военной поэзии 2014–2022 / сост. А. Ю. Колобродов, З. Прилепин, О. В. Демидов. СПб. – М.: Питер покет, 2023. 415 с.

REFERENCES

1. Zelenin D. K. *Izbrannye trudy. In 2 vols. Vol. 2: Ocherki russkoy mifologii: umershie neestestvennoy smertyu i rusalki*. Moscow: Indrik, 1995. 430 p.
2. Stennik Yu. V., Nikolaev S. I. Zhanr “dialoga v tsarstve mertvykh” v russkoy literature XVIII veka. *Russkaya literatura*. 1990, No. 2, pp. 240–244.
3. Isachenko E. G. “Razgovory v tsarstve mertvykh» A. P. Sumarokova. *Literaturnaya kultura Rossii XVIII veka*. SPb., 2014. Iss. 5, pp. 100–118.
4. Khamitov M. R. *Razgovory v tsarstve mertvykh: “Bobok” Dostoevskogo. In: Dostoevskiy. Materialy i issledovaniya*. RAN IRLI (Pushkinskiy dom). Ed. by K. A. Barsh, N. F. Budanova. St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2016. Vol. 21. 536 p. Pp. 29–43.
5. Skvortsova E. A. Illyustratsii k “Razgovoram v tsarstve mertvykh”: problema utverzhdeniya titula imperatora Rossii v XVIII veke. Available at: <https://actual-art.org/files/sb/05/57-Skvortsova> (accessed: 16.05.2023).
6. Abramzon T. E. Razgovor v tsarstve mertvykh Lomonosova s Sumarokovym (1777): poetika kulturnoy roli Lomonosova. *Problemy istorii, filologii i kultury*. 2013, No. 1 (39), pp. 151–161.
7. Isachenko E. G. “Razgovory v tsarstve mertvykh” A. P. Sumarokova. *Literaturnaya kultura Rossii XVIII veka*. Iss. 5. St. Petersburg, 2014. Pp. 100–118.
8. Hegel G. W. F. *Sochineniya v 14 t. XIV: Lektsii po estetike. Kniga tretya*. Moscow: Gospolitizdat, 1958. 440 p.
9. Raspopin V. N. Literatura Drevney Gretsii: Ocherki istorii zarubezhnoy literatury. Available at: <http://antique-lit.niv.ru/antique-lit/raspopin/solnaya-melika> (accessed: 15.03.2023).
10. Kozhinov V. V. *Kak pishut stikhi: O zakonakh poeticheskogo tvorchestva*. Moscow: Algoritm, 2001. 315 p. Available at: <https://libking.ru/books/sci/sci-history/29254-vadim-kozhinov-kak-pishut-stihi.html> (accessed: 15.05.2023).
11. Gusev V. E. *Pesni i romansy russkikh poetov / vstup. st., podgotovka teksta i primech*. Moscow – Leningrad: Sov. pisatel, 1965. 339 p. (B-ka poeta. Bolshaya seriya. 2-e izd.).
12. Svetlov M. A. Stikhi o vojne. Available at: <https://rustih.ru/stixi-o-vojne/mixail-svetlov-stixi-o-vojne> (accessed: 10.07.2023).
13. Benina M. A., Semenova E. P. (comps.) *Sovetskie poety, pavshie na Velikoy Otechestvennoy voyne. Stikhotvoreniya i poemny*. St. Petersburg: Akadem. proekt, 2005. 573 p. (Novaya b-ka poeta).
14. Abramov A. M. *Lirika i epos Velikoy Otechestvennoy voyny: Problematika. Stil. Poetika*. Moscow: Sov. pisatel, 1972. 672 p.
15. Makedonov A. V. *Tvorcheskiy put Tvardovskogo. Doma i dorogi*. Moscow, 1981. 367 p.
16. Taganov L. N. *Velikaya Otechestvennaya vojna v sovetskoy poezii 40–70-kh godov*. Ivanovo: IvGU, 1978. 180 p.
17. Tvardovskiy A. T. Ya ubit podo Rzhevom. Available at: <https://www.culture.ru/poems/6907/ya-ubit-podo-rzhevom> (accessed: 08.06.2023).
18. *Poeziya russkogo leta*. Moscow: Pero, 2022. 400 p.
19. Vanshenkin K. Ya. Stikhi. Available at: <https://rustih.ru/konstantin-vanshenkin/> (accessed: 08.07.2023).
20. Orlov S. *Izbrannye stikhotvoreniya*. Arkhangelsk, 1979. 159 p.
21. Kolobrodov A. Yu., Prilepin Z., Demidov O. V. (comps.) Voskresshie na Tretyey mirovoy. In: *Antologiya voennoy poezii 2014–2022*. St. Petersburg – Moscow: Piter poket, 2023. 415 p.

Пономарева Татьяна Александровна, доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы XX–XXI вв., Московский педагогический государственный университет
e-mail: taponomareva@mail.ru; ta.ponomareva@mpgu.su

Ponomareva Tatiana A., ScD in Philology; Professor, Russian Literature of the XX–XXI Centuries Department, Moscow Pedagogical State University
e-mail: taponomareva@mail.ru, ta.ponomareva@mpgu.su

Статья поступила в редакцию 17.07.2023
The article was received on 17.07.2023